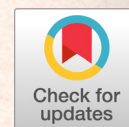

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.127-137>
EDN: <https://elibrary.ru/gbowmu>
УДК / UDC 930.85

М. М. Бахтин и научное творчество Г. Д. Гачева

С. А. Шульц
Независимый исследователь,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
s_shulz@mail.ru

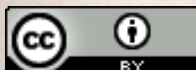
Аннотация

Введение. Актуальность исследования связана с необходимостью анализа преемственных связей в развитии мировой и отечественной гуманитарной мысли. Цель исследования – проанализировать влияние идей М. М. Бахтина на работы Г. Д. Гачева, прежде всего, на его многотомную серию (цикл) книг «Национальные образы мира». Автор рассматривает рецепцию Г. Д. Гачевым творческого наследия М. М. Бахтина, включая эту рецепцию в общий контекст интеллектуальной истории, истории идей.

Материалы и методы. Материалом исследования являются тексты М. М. Бахтина, Г. Д. Гачева и зарубежных философов: Э. Гуссерля, П. Рикера, В. Дильтея, М. Хайдеггера и др. С помощью сравнительного метода осуществлено детальное сопоставление концептуального языка, исследовательских стратегий и философских интуиций двух мыслителей, выделены зоны прямого влияния, творческой трансформации и принципиального расхождения.

Результаты исследования и их обсуждение. М. М. Бахтин и Г. Д. Гачев проявляют свою близость синтетическому соединению различных методов и дисциплин, прежде всего философии и филологии; оба они отчасти работали в рамках герменевтики. Литературоведческий модус в гачевском цикле «Национальные образы мира» не отставлен в тень, но вписан в более широкий методологический и вообще в более

© Шульц С. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

сложный полидискурсивный контекст – преимущественно культурфилософский. М. М. Бахтин строит свои концепции в качестве элемента культурфилософии. Г. Д. Гачев перенимает его культурфилософский интерес при анализе национальных образов мира, при составлении «гуманитарных комментариев» к естественным наукам и др. У Г. Д. Гачева нередко эмпирика «я» преобладает над сущностью «я». Однако такое нагнетание одного лишь эмпиризма «я» еще не означает победы над условностями «рокового теоретизма» (термин М. М. Бахтина). Автор приходит к выводу, что оба мыслителя (особенно Г. Д. Гачев) во многом относятся к сфере инаучности и постнаучности.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в компаративное исследование творчества М. М. Бахтина и гуманитариев, находившихся под его непосредственным влиянием, его учеников. Материалы статьи представляют интерес для ученых, занимающихся проблемами методологии гуманитарных наук, а также для исследователей творческого наследия М. М. Бахтина и Г. Д. Гачева.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Г. Д. Гачев, культурфилософия, герменевтика, инаучность, постнаучность

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шульц С. А. М. М. Бахтин и научное творчество Г. Д. Гачева // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 2. С. 127–137. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.127-137>

M. M. Bakhtin and Scientific Creative Work of G. D. Gachev

S. A. Shultz

Independent Researcher,
Rostov-on-Don, Russian Federation
s_shulz@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this study stems from the need to analyze the continuity of thought in the development of global and Russian humanities. The purpose of this article is to trace the influence of M. M. Bakhtin's ideas on the works of G. D. Gachev, primarily on his multi-volume series (cycle) of books "National Images of the World". The author examines G. D. Gachev's reception of M. M. Bakhtin's creative legacy, integrating this reception into the general context of intellectual history and the history of ideas.

Materials and Methods. The study's material includes texts by M. M. Bakhtin and G. D. Gachev, as well as those of foreign philosophers: E. Husserl, P. Ricoeur, W. Dilthey, M. Heidegger and others. The author uses methods of source analysis, systematization, generalization, and comparative analysis.

Results and Discussion. The article emphasizes that M. M. Bakhtin and G. D. Gachev demonstrate an affinity for the synthetic combination of various methods and disciplines, primarily philosophy and philology; both of them partly worked within the framework of hermeneutics. The literary criticism mode in Gachev's cycle "National Images of the World" is not relegated to the background, but is inscribed in a broader methodological and generally more complex polydiscursive context – primarily cultural-philosophical. M. M. Bakhtin constructs his concepts as an element of cultural philosophy. G. D. Gachev adopts his cultural-philosophical interest in analyzing national images of the world, in composing "humanitarian commentaries" on the natural sciences, etc. In G. D. Gachev, the empiricism of the "I" often prevails over the essence of

the “I”. However, such an intensification of mere empiricism of the “I” does not yet signify a victory over the conventions of “fatal theorism” (M. M. Bakhtin’s term). The author concludes that both thinkers (especially G. D. Gachev) largely belong to the realm of heterodox and post-scientific thought.

Conclusion. The article contributes to the comparative study of the work of M. M. Bakhtin and the humanities scholars who were directly influenced by him, as well as his students. It is of interest to scholars studying the methodology of the humanities, as well as to researchers of the creative legacy of M. M. Bakhtin and G. D. Gachev.

Keywords: M. M. Bakhtin, G. D. Gachev, cultural philosophy, hermeneutics, heterodox, post-scientific thought

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Shultz S.A. M. M. Bakhtin and Scientific Creative Work of G. D. Gachev. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(2):127–137. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202502.127-137>

Введение

В беседах с В. Д. Дувакиным М. М. Бахтин назвал Г. Д. Гачева своим «неофициальным учеником»¹. Здесь же отмечается, что Гачев следует Бахтину в экспликации карнавальных мотивов в творчестве А. М. Горького² [1; 2]. Впоследствии появилась гачевская статья о карнавальных мотивах у В. В. Розанова [3]. Бахтинская идея содержательности художественной формы, более всего развернутая в книге Бахтина о Ф. М. Достоевском, отразилась в заглавии и легла в основу отдельной книги Гачева [4].

Более всего известна многотомная серия (цикл) книг Г. Д. Гачева «Национальные образы мира». Основываясь на литературном материале, на данных этнологии, этнографии, этнолингвистики, психоллингвистики, философии и материалах других наук (вплоть до рецепции футурологии), в этом цикле Г. Д. Гачев создает калейдоскоп способов мировидения, свойственных тем или иным духовно-культурным ареалам: какими могут полагаться образы пространства и времени, представления о Боге, категориях труда, культурной символике животных, растений и т. д.

Актуальность исследования связана с необходимостью анализа преемственных связей в развитии мировой и отечественной гуманитарной мысли. Цель исследования – проанализировать влияние идей М. М. Бахтина на работы Г. Д. Гачева, в первую очередь на его многотомный цикл «Национальные образы мира». В рамках данной цели автор рассматривает рецепцию творческого наследия Бахтина Гачевым, включая этот процесс в общий контекст интеллектуальной истории и истории идей.

Материалы и методы

Материалом исследования являются работы М. М. Бахтина и Г. Д. Гачева (прежде всего, цикл «Национальные образы мира»), труды зарубежных философов: Э. Гуссерля, П. Рикера, В. Дильтея, М. Хайдеггера и др.

Для достижения поставленной цели в работе используется комплекс взаимодополняющих методов:

– сравнительный метод, позволяющий провести сопоставительный анализ концепций М. М. Бахтина и Г. Д. Гачева и выделить как общие черты, так и сущностные различия между ними;

¹ Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. М. : Согласие, 2002. С. 130.

² Там же. С. 130–131.

– анализ источников, задачей которого является прослеживание путей развития и трансформации мысли от одного автора к другому, выявление прямых и опосредованных заимствований;

– методы систематизации и обобщения, применяемые для объединения разрозненных идей и положений в целостные системы взглядов каждого из мыслителей и формулировки на этой основе общих выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

М. М. Бахтин строит свои концепции в качестве элемента культурфилософии. Например, в книге о Ф. М. Достоевском его занимает проблема диалогизма и полифонии в целом, а в работе о Ф. Рабле его интересует вид вписанности комизма в данный тип (типы) культуры. Г. Д. Гачев перенимает культурфилософский интерес Бахтина при анализе национальных образов мира, при составлении «гуманитарных комментариев» к естественным наукам и др. Уже в ранних «узкоцеховых» исследованиях Гачева заметно присутствие культурфилософского измерения. Это в определенной степени присуще также трудам его друзей и коллег С. Г. Бочарова, В. В. Кожина, В. Н. Турбина, вместе с которыми он принял участие в «возрождении и реконструкции дела Бахтина в нашей и мировой культуре»³, о чем вспоминал в статье, опубликованной в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» [5].

Литературоведческий модус в цикле совсем не отставлен в тень, но вписан в более широкий методологический и вообще в более сложный полидискурсивный контекст – преимущественно культурфилософский. Контуры присущего циклу «шпенглеровского» подхода в сочетании с «прустовским» наметились сразу: от О. Шпенглера здесь – внимание к национально-историческим модификациям культур, от М. Пруста – понимание исследования как раскрытия своего субъективного «я», части личностной биографии.

В рассматриваемом цикле необходимо акцентировать именно культурфилософское измерение, метафизический интерес, теоретизирование на историческом фоне с учетом внимания к своему «я» как наблюдателю и толкователю, к своей собственной исторической фактичности. Отсюда применение Г. Д. Гачевым к собственным поздним работам термина «экзистенциальная культурология» – т. е. культурология с личностным отношением и личностным самораскрытием – но и с вниманием к личностным самораскрытиям других «я» исследуемых культур. Однако точнее по отношению к исследованиям Гачева будет другой термин: «экзистенциальная культурфилософия».

В конце 1990-х гг. В. В. Савчук выступил с памфлетом в отношении современной ему российской культурологии (ее основного массива), раскритиковав последнюю за подмену реального исследования реальных вещей – «ирреальными» абстракциями по поводу «ирреальных» предметов [6]. Однако Г. Д. Гачев на фоне данной культурологии – совсем «иная статья», выражаясь словами Б. Л. Пастернака⁴. Его изыскания в области культуры не теряют ни конкретной почвы, ни конкретного – многосоставного метода, поскольку Гачев принадлежит культурфилософии.

Своим методом, включающим самопроявление/самопознание, Г. Д. Гачев словно отвечает на упрек М. М. Бахтина, брошенный в адрес нововременного способа мыслить так, «как если бы меня не было», поэтому Гачев называет свое мышление не отвлеченным, а «привлеченным» [7]. Здесь уместна параллель с исследователем М. Хайдеггера Ч. Тэйлором, который вводит термин «вовлеченное мышление» [8], призванный обозначить императив замены рационализма направлением, более близким к жизненно-историческому миру и духовной жизни. «Вовлеченное мышление»

³ Гачев Г. Д. Бахтин – сфинкс // Русская мысль [Париж]. 14–20 дек. 1995. С. 10.

⁴ См. : Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М. : Художественная литература, 1988. С. 463.

Тэйлора – коррелят гачевской «привлеченности». Оба автора основывают свои подходы на основе продолжения той линии философствования, которая обозначилась начиная с В. Дильтея и была продолжена у позднего Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г. Г. Гадамера, М. М. Бахтина и др.

Вспоминается удачное выражение Э. Гуссерля о «новом модусе научности, где находят свое место все мыслимые вопросы – о бытии, <...> о так называемой экзистенции» [9, с. 126]. Упоминая «экзистенцию», Гуссерль подразумевает здесь в том числе самораскрытие личности исследователя в его текстах.

М. М. Бахтину свойственно синтетическое сочетание различных научных интересов, он олицетворяет высокую действенность союза философии и филологии – что бы иногда ни говорили (в том числе и сам Г. Д. Гачев) о якобы «вынужденности» такого сочетания, о его якобы обусловленности лишь обстоятельствами времени. На наш взгляд, труды Бахтина-филолога совсем не случайны, они связаны с «эстетическим поворотом в философии» [10; 11]. В поздние годы Бахтин по-разному отвечал на вопрос о приоритете для него философии или филологии. В любом случае он был в первую очередь мыслителем – и в филологии тоже. Гачев формулирует это так: «философ наш и мировой XX века, Бахтин был именно ЛИТЕРАТУРОВЕДОМ, а его философия имеет форму ПОЭТИКИ» [12, с. 157].

Рецепция Г. Д. Гачевым М. М. Бахтина раскрывается также как внимание к имманентному исследовательскому фону становления бахтинского мира. В. В. Библихин во многом точно указал на самые важные точки опоры становления Бахтина: «явная и неявная зависимость от бергсоновского интуитивизма и от ее критики у Н. О. Лосского, от гуссерлевской феноменологии, от риккертовской философии ценностей, от персонализма Ф. Розенцвейга, от бердяевского творческого акта, остывающего в продуктах культуры, замеченная единонаправленность с тем, что делал тогда М. Хайдеггер» [13, с. 94].

К источникам концепций М. М. Бахтина необходимо добавить также идею интеллектуальной интуиции Ф. Шеллинга (скорее всего, она превышает воздействие бергсоновского интуитивизма), «философию жизни» и герменевтику В. Дильтея. Если методом естественных наук является объяснение (базирующееся на причинно-следственных связях), то методом гуманитарных наук является понимание, и оно раскрывается в интуиции. К интуиции автора художественного произведения апеллируют бахтинские идеи полифонии, диалога автора и героя, который во многом происходит в сфере интуиции: автор моделирует интуицию героя – или интуиция героя моделируется в сознании автора как бы сама по себе, в целом самостоятельно – помимо привлечения собственной авторской. Гачев также привлекает интуицию, характеризуя ее в непонятных, нерассудочных категориях: «Меж Космосом и Психеей есть свой заговор, язык и диалог, взаимопонимание и сговор – за спиной Логоса, минуя рассудок. Это называют “интуицией” и т. п.» [14, с. 40].

Нередко говорят о марксистской составляющей бахтинской методологии, но с этим нельзя согласиться. Казалось бы, в книге одного из авторов «бахтинского круга» – В. Н. Володинова слово «марксизм» присутствует уже в заглавии («Марксизм и философия языка»), однако «марксистский» след замечен только во внимании автора к «социальному», а социальное в этой книге – лишь синоним диалогизма, интересубъективности. Достаточно сказать, что бахтинское восстание против сведения исследуемого объекта к «вещи», отстаивание права видеть в нем «личность» – резко антимарксистский тезис. Кроме того, у М. М. Бахтина напрочь отсутствует марксистский экономизм и детерминизм. Г. Д. Гачев, отмечая «социальность» Бахтина [12], также подразумевал, прежде всего, его диалогизм.

Нечасто фиксируют близость Бахтина герменевтике [15; 16], хотя ее роль для мыслителя весьма существенна. П. Рикер в работе «Конфликт интерпретаций» показал,

что герменевтический момент присущ даже психоанализу З. Фрейда и структурализму [17]. Развивая мысль Рикера, необходимо констатировать, что герменевтика может являться сопутствующим элементом разных типов исследовательского метода там, где соблюдены следующие принципы:

1. Восприятие исследуемого объекта не как «вещи», а как «личности».

2. Понимание и реализация себя исследователем как творческой субъективности, но не в аспекте субъективизма, а в аспекте раскрытия своей собственной историчности-относительности. С позиций субъективности написаны, например, все историко-философские работы М. Хайдеггера после «поворота» (о Пармениде, Гераклите, Гегеле и др.).

3. Роль контекста и предпонимания. Предпонимание реализуется в том числе через рассмотрение объекта в определенном контексте.

4. Присутствие установки. Понять исследуемого автора лучше, чем тот сам себя понимает (этот пункт сформулирован в герменевтике Ф. Шлейермахера [см.: 18]).

5. Внимание к языку, слову исследуемого высказывания (этот момент необязателен).

Следует выделить два типа бытования герменевтики: 1) как самостоятельный, чистый вариант, исходящий из специальных принципов интерпретации; 2) как сопутствующий момент определенной методологии, имеющий существенные герменевтические признаки. Второй вариант допустимо назвать ассоциированно-герменевтическим в отличие от первого – «чистого» герменевтического метода.

Нередко выражают мнение о том, что в литературоведении не сложилось особого герменевтического метода⁵. С этим нельзя согласиться. Данный тезис отрицается наличием ассоциированно-герменевтического метода в науке о литературе [19]. М. М. Бахтин и Г. Д. Гачев (не только в литературоведении) явно отдали дань указанному методу.

Выделяя себя на фоне коллег-гуманитариев, Г. Д. Гачев отмечает, что все они «без отношения к своему “я” и к чувству, безлично, отсекая психологию, стремились давать лишь объективное и отчужденное от познающего человека знание и понимание»; он же принципиально включает «жизненно-эмоциональную ситуацию сего мига и дня, когда совершается (ф)акт понимания и мышления, – в само это понимание как его среду и координаты» [20, с. 6].

Согласно Г. Д. Гачеву, познание должно превратиться в самопознание. Движения этого «герменевтического круга» призваны во многом определять внутреннюю структуру гачевских работ, их отдельные повторы, частые «отклонения» в сторону. Внятный эпистемологический вектор всего цикла собственно культурфилософских гачевских работ таков, что весь он может быть полностью проинтерпретирован в рамках «самопознания». Вместе с тем в работах Гачева заметно определенное противоречие между имеющим место *эмпиризмом* его «я» и *идеями* его «я» как личностной индивидуальности.

Г. Д. Гачев говорит о самовыражении как о праве эмпирической личности исследователя. Однако он не учитывает, что сама по себе простая эмпирика «я» еще не имеет прямого отношения к самовыражению, к глубинной сути «я», единственно должествующей интересовать исследователя. Такое нагнетание одного лишь эмпиризма «я» еще не означает победы над условностями «рокового теоретизма» (термин М. М. Бахтина).

В целом Г. Д. Гачев ярко проявляет в своих исследованиях то, что ранний М. М. Бахтин в работе «К философии поступка» назвал «эмоционально-волевым тоном» всякого поступка (т. е. деяния, мысли, побуждения и т. п.) [21]. В последующих работах

⁵ Малахов В. С. Герменевтика // Современная западная философия. Словарь. М.: Политиздат, 1991. С. 74–76. URL: <https://djvu.online/file/Xesjfs6rqkB4z?ysclid=micwdo7la564420471> (дата обращения: 18.07.2025).

1920-х гг. Бахтин также сохраняет эту категорию [22; 23], что свидетельствует о ее принципиальности для него. Понятие «эмоционально-волевого тона» восходит у него, скорее всего, к В. Дильтею [24] и означает присутствие в каждом поступке не только «ума», но и сферы переживаний, чувств, т. е. в конечном счете – присутствие в любом поступке целостного человека. В дильтеевской «описательной психологии» *переживание* – акт смыслопорождающий, близкий к онтологии. Бахтин полностью преодолел дильтеевскую психологичность, однако Гачев отчасти вернулся к Дильтею (см. о роли эмпирики «я» для Гачева).

Мир осознается Г. Д. Гачевым преимущественно как «духовный мир»; еще М. Хайдеггер писал, что мир возможен только в таком осмыслении [25]. «Материальные», «вещественные» стороны мира, раскрываемые Гачевым, служат характеристике именно духовного начала. В интересе к духовному миру, в попытках мифологизирования, в уравнивании прав «образа» и «понятия» – симптом «романтического» (в широком значении) импульса гачевских исследований. М. М. Бахтин видел в романтизме определенную редукцию общего («общенародного») начала в пользу личного, камерного. Так и происходит у Гачева, особенно с учетом его внимания к эмпирике «я». «Романтизм» Гачева – в личностных моментах метода освоения материала, демонстративно «пропускаемого» через авторскую субъективность (но также и через субъективизм): он старается сделать изложение максимально живым.

Момент диахронии, историзма в целом, интереса к изменчивости различных национальных представлений, не будучи у Г. Д. Гачева широким, так или иначе вводится через обращение к материалу литературы разных периодов. В связи с незначительным вниманием Гачева к диахронии, к историческому движению уместно вспомнить замечание Г. А. Гуковского о классическом романтизме: «Само понятие нации, народа мыслилось как метафизическое, неизменное, лишенное, в сущности, развития. <...> Каждая данная национальная культура не требовала иных объяснений, кроме внешнегеографического, и <...> объяснения ее складом души народа или группы народов (южане и северяне). С другой стороны, в данной системе каждый отдельный человек, представитель данной замкнутой культуры, не объясняется в своем быте и характере ничем, как <...> тавтологией: он таков потому, что он – шотландец, или потому, что он – грек» [26, с. 206]. Но тут же Гуковский замечает «И все же возможности развития этой (т. е. романтической. – С. Ш.) концепции были неограниченны» [26, с. 206].

На наш взгляд, ошибается Ю. М. Лотман, выводящий Г. Д. Гачева за пределы научной традиции в целом и относящий его работы к области художественной прозы. (В 1973 г., отказываясь опубликовать статью Гачева в «Трудах по знаковым системам» Лотман писал ему: «... это одна из самых удачных Ваших работ... Она, бесспорно, очень значительное явление. Но вот чего? Нашей культуры – вне всяких сомнений. А вот науки?.. Ваша работа глубока по мыслям, но мысли эти мне представляются скорее художественными, чем научными» [цит. по: 20, с. 6]. В случае Гачева речь идет об ином модусе научности (далеком от рационализма и позитивизма), об «инонаучности» и «постнаучности», переход к чему подготовлен еще М. Хайдеггером на этапе «поворота», М. М. Бахтиным (уже начиная с его работы о Ф. Рабле) и др.

В заметках «К методологии гуманитарных наук» М. М. Бахтин писал, что «истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук»; что «интерпретация смыслов не может <быть> научн<ой>, но он<а> глубок<о> познавателен<а>» [27, с. 422, 423]. И далее он цитирует высказывание С. С. Аверинцева о том, что необходимо «признать симвонологию не “ненаучной”, но и н о н а у ч н о й формой знания» [27, с. 423]. Поэтому инонаучность предполагает иной тип научности по сравнению с образцами точных наук.

Что касается постнаучности, то она имеет место там, где субъективность исследователя находится в приоритете по отношению к объекту исследования. Субъективность нельзя путать с субъективизмом как неким искажением, произволом: она предполагает личностное начало, личностный интерес. Значимость феномена «инонаучности» и «постнаучности» в еще большей мере проявит себя среди исследователей следующих поколений.

Необходимо отметить некритическую экстраполяцию Г. Д. Гачевым ряда категорий прошлых эпох (в частности, «ургийности» и «гонийности», заимствованных из Древней Греции) на другие периоды и ареалы. Это пример малого присутствия диакронии в гачевских исследованиях, его неполного интереса к смене, развитию самих «национальных образов мира» и их структур, представляющих у него несколько статичными. То же касается отношения Гачева к категориям времени и пространства, манифестированных им как одинаково понимаемые в разные эпохи. То же относится к игнорированию им *исторической* психологии, и, наконец, к игнорированию постоянной смены и различия в разных ареалах и эпохах самого понятия «нация».

Парадоксальный метод Г. Д. Гачева сам по себе выступает пафосом исследования [28]. (О самоценной роли метода в науках о культуре говорил В. Л. Рабинович⁶.) Когда сегодня ревнители абстрактной «объективности» пишут о «конце пафоса», то под пафосом они имеют в виду лишь какую-то приподнятость стиля или, вероятно, «назидательность». Однако трудно уйти от пафоса как проявления «эмоционально-волевого тона» в различных модификациях этого «тона». Потеря этого тона возможна, например, при тенденциях мнимого объективизма.

Субъективизм Г. Д. Гачева сближает его с романтизмом, хотя притязания его «я» (проявленного в его текстах) связаны с более широким контекстом, чем романтический. У него часто побеждает внимание к личностной эмпирике.

Заключение

Настоящее исследование вносит вклад в компаративное изучение творчества М. М. Бахтина и гуманитариев, находившихся под его непосредственным влиянием, его учеников. Материалы статьи представляют интерес для ученых, занимающихся проблемами методологии гуманитарных наук, а также для исследователей творческого наследия М. М. Бахтина и Г. Д. Гачева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гачев Г. Д. Развитие образного сознания в литературе // Теория литературы. Т. 1. М. : Наука, 1962. С. 285–287.
2. Гачев Г. Д. Логика вещей и человек. Прение о правде и лжи в пьесе М. Горького «На дне» М. : Высшая школа, 1992. 94 с.
3. Гачев Г. Д. Карнавализация у В. В. Розанова // История мысли : Русская мыслительная традиция. Вып. 4 / под ред. И. П. Смирнова. М. : Вузовская книга, 2007. С. 187–198.
4. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. М. : Просвещение, 1968. 302 с. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Gachev_Soderzhatelnost_hudozhestvennyh_form_1968.pdf?ysclid=micvpyrtzp320365479 (дата обращения: 22.07.2025).
5. Гачев Г. Д. «Так, собственно, завязалась уже целая история...» : Г. Д. Гачев вспоминает и раздумывает о М. М. Бахтине // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 1. С. 105–108.
6. Савчук В. В. Культуролог в России больше, чем философ? // Ступени. Философский журнал. 1997. № 10. С. 213–221.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством. М. : Раритет, 1997. 680 с.

⁶ Рабинович В. Л. Основания культурологии // Логика, методология, философия науки. XI Междунар. науч. конф. Вып. IV. М. ; Обнинск, 1995. С. 67.

8. Тэйлор Ч. Вовлеченное участие и фон у Хайдеггера // Сборник статей. СПб. : РХГИ, 2004. С. 302–332.

9. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука / пер. с нем. Новочеркасск : Сагуна, 1994. С. 101–126. URL: https://hrampm.org/userfiles/library/oldlibrary/%5Bgusserl%5D_krizis_evropeyskogo_chelovechestva.htm (дата обращения: 20.07.2025).

10. Инишев И. Н. Чтение и дискурс: трансформации герменевтики. Вильнюс : ЕГУ, 2007. 168 с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/gkslnbhypx/direct/82226068?ysclid=micul4666x581444978> (дата обращения: 18.07.2025).

11. Шульц С. А. Достоевский, Аполлон Григорьев, Бахтин // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2020. Т. 65, № 1. С. 193–207. URL: <https://real.mtak.hu/136401/1/article-p193.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

12. Гачев Г. Д. Бахтин // Гачев Г. Д. Русская дума. М. : Новости, 1991. С. 141–160. URL: https://imwerden.de/pdf/gachev_russkaya_duma_1991_ocr.pdf?ysclid=micuo35cei500010246 (дата обращения: 22.07.2025).

13. Биbihин В. В. Слово и событие. М. : УРСС, 2001. 280 с.

14. Гачев Г. Д. Наука и национальные культуры. Ростов-на-Дону : РГУ, 1992. 320 с. URL: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/gachev_nauka_i_nazkulturi.pdf (дата обращения: 24.07.2025).

15. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с. URL: <https://zvezdaspb.ru/lib/pdf/boneckaya-bahtin.pdf?ysclid=micw2vgrpm309513322> (дата обращения: 26.07.2025).

16. Шульц С. А. Историческая поэтика и герменевтика (Из истории русской науки о литературе) // Бахтин в контексте русской культуры XX в. : спец. выпуск журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 2000. № 3–4. С. 59–70. URL: <https://nevmenandr.net/dkx/?y=2000&n=3-4&abs=Shulz> (дата обращения: 21.07.2025).

17. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Академический проект, 2008. 695 с.

18. Дильтей В. Герменевтическая система Шлейермахера в ее отличии от предшествующей протестантской герменевтики // Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 13–234. URL: <https://djvu.online/file/5M6OuliNo7nWD?ysclid=micw8ju9zl659094382> (дата обращения: 29.07.2025).

19. Ляпушкина Е. И. Введение в литературную герменевтику. Теория и практика. СПб. : Росток, 2020. 240 с.

20. Гачев Г. Д. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М. : Педагогика, 1991. 272 с. URL: https://www.phantastike.com/philosophy/kniga_udivleniy/djvu/view/ (дата обращения: 21.07.2025).

21. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.

22. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–264.

23. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества. I. Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2003. С. 265–325.

24. Шульц С. А. М. М. Бахтин, Р. Ингарден, П. П. Пазолини о категории ответственности // *Slavica Tergestina*. Trieste. 2017. Vol. 19, № 2. С. 226–243.

25. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1997. 302 с.

26. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М. : Интрада, 1995. 320 с. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/guk/guk.htm?cmd=p> (дата обращения: 30.07.2025).

27. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. С. 371–439.

28. Шульц С. А. О методологическом пафосе культурологических работ Г. Д. Гачева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 4. С. 158–165. URL: <https://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=4&abs=SHULC> (дата обращения: 18.07.2025).

REFERENCES

1. Gachev G.D. [The Development of Figurative Consciousness in Literature]. In: [Theory of Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1962. p. 285–287. (In Russ.)
2. Gachev G.D. [The Logic of Things and Man. The Debate on Truth and Lies in M. Gorky's Play "The Lower Depths"]. Moscow: Vysshaya Shkola; 1992. (In Russ.)
3. Gachev G.D. [Carnivalization in V.V. Rozanov]. In: [History of Thought: Russian Thought Tradition]. Issue. 4. Ed / by I.P. Smirnov. Moscow: Vuzovskaya Kniga; 2007. p. 187–198. (In Russ.)
4. Gachev G.D. [The Substantiveness of Artistic Forms]. Moscow: Prosveshcheniye; 1968. (In Russ.) Available at: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Gachev_Soderzhatelnost_hudozhestvennyh_form_1968.pdf?ysclid=micvpyrtzp320365479 (accessed 22.07.2025).
5. Gachev G.D. ["So, Actually, a Whole Story has Already Begun...": G.D. Gachev Remembers and Reflects on M.M. Bakhtin]. *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1993;(1):105–108. (In Russ.)
6. Savchuk V.V. [Is a Culturologist in Russia More Than a Philosopher?]. *Steps. Philosophical Journal*. 1997;(10):213–221. (In Russ.)
7. Gachev G.D. [National Images of the World. America in Comparison with Russia and the Slavs]. Moscow: Raritet; 1997. (In Russ.)
8. Taylor C. [Engaged Participation and the Background in Heidegger]. In: [Collection of Articles]. St. Petersburg: RHGI; 2004. p. 302–332. (In Russ.)
9. Husserl E. [The Crisis of European Humanity and Philosophy]. In: Husserl E. [Philosophy as a Rigorous Science]. Novocherkassk: Saguna; 1994. p. 101–126. (In Russ.) Available at: https://hrampm.org/userfiles/library/oldlibrary/%5Bgusserl%5D_krizis_evropeyskogo_chelovechestva.htm (accessed 20.07.2025).
10. Inishev I. [Reading and Discourse: Transformations of Hermeneutics]. Vilnius: EGU; 2007. (In Russ.) Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/gkslnbhypx/direct/82226068?ysclid=micul4666x581444978> (accessed 18.07.2025).
11. Schulz S. Dostoevsky, Apollon Grigoriev, Bakhtin. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2020;65(1):193–207. (In Russ, abstract in Eng.) / Available at: <https://real.mtak.hu/136401/1/article-p193.pdf> (accessed 25.07.2025).
12. Gachev G. Bakhtin. In: [Russian Thought]. Moscow: Novosti; 1991. p. 141–160. (In Russ.) Available at: https://imwerden.de/pdf/gachev_russkaya_duma_1991__ocr.pdf?ysclid=micuo35cei500010246 (accessed 22.07.2025).
13. Bibikhin V.V. [Word and Event]. Moscow: URSS; 2001. (In Russ.)
14. Gachev G.D. [Science and National Cultures]. Rostov-on-Don: RGU; 1992. (In Russ.) Available at: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/gachev_nauka_i_nazkulturi.pdf (accessed 24.07.2025).
15. Bonetskaya N.K. [Bakhtin through the Eyes of a Metaphysician]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh iniciativ; 2016. (In Russ.) Available at: <https://zvezdaspb.ru/lib/pdf/boneckaya-bahtin.pdf?ysclid=micw2vgrpm309513322> (accessed 26.07.2025).
16. Shults S.A. [Historical Poetics and Hermeneutics (From the History of Russian Literary Science)]. In: [Bakhtin in the Context of Russian Culture of the Twentieth Century: Special Issue of the Journal "Dialogue. Carnival. Chronotope"]. 2000;(3–4):59–70. (In Russ.) Available at: <https://nevmenandr.net/dkx/?y=2000&n=3-4&abs=Shulz> (accessed 21.07.2025).
17. Ricoeur P. [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2008. (In Russ.)
18. Dilthey W. [Schleiermacher's Hermeneutic System in Its Difference from Previous Protestant Hermeneutics]. In: [Collected Works]: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Dom intellektualnoy knigi; 2001. p. 13–234. (In Russ.) Available at: <https://djvu.online/file/5M6OuliNo7nWD?ysclid=micw8ju9zl659094382> (accessed 29.07.2025).
19. Lyapushkina E.I. [Introduction to Literary Hermeneutics. Theory and Practice]. St. Petersburg: Rostok; 2020. (In Russ.)
20. Gachev G.D. [The Book of Surprises, or Natural Science through the Eyes of a Humanitarian, or Images in Science]. Moscow: Pedagogika; 1991. (In Russ.) Available at: https://www.phantastike.com/philosophy/kniga_udivleniy/djvu/view/ (accessed 21.07.2025).
21. Bakhtin M.M. [Toward the Philosophy of Act]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kultury; 2003. p. 7–68. (In Russ.)
22. Bakhtin M.M. [Author and Hero in Aesthetic Activity]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kultury; 2003. p. 69–264. (In Russ.)

23. Bakhtin M.M. [On the Methodology of the Aesthetics of Verbal Creativity]. I. [The Problem of Form, Content, and Material in Verbal Artistic Creativity]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: In 7 vols. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kultury; 2003. p. 265–325. (In Russ.)
24. Schulz S.A. [M.M. Bakhtin, R. Ingarden, P.P. Pasolini on the Category of Responsibility]. *Slavica Tergestina*. 2017;19(2):226–243. (In Russ.)
25. Heidegger M. [Introduction to Metaphysics]. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola; 1997. (In Russ.)
26. Gukovsky G.A. [Pushkin and Russian Romantics]. Moscow: Intrada; 1995. (In Russ.). Available at: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/guk/guk.htm?cmd=p> (accessed 30.07.2025).
27. Bakhtin M.M. [Working Notes of the 1960s – Early 1970s]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 6. “Problems of Dostoevsky’s Poetics”, 1963. Works of the 1960s – 1970s]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kultury; 2002. p. 371–439. (In Russ.)
28. Shults S.A. [On the Methodological Pathos of G.D. Gachev’s Culturological Works]. *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1999;(4):158–165. (In Russ.) Available at: <https://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=4&abs=SHULC> (accessed 18.07.2025).

Об авторе

Шульц Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, независимый исследователь (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>,
e-mail: s_shulz@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 25.08.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

About the author

Sergey A. Shultz, Dr.Sci. (Philol.), Independent Researcher (Rostov-on-Don, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3429-6714>
e-mail: s_shulz@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Submitted 25.08.2025; revised 06.10.2025; accepted 10.10.2025.